

«Новые российские гуманитарные исследования»

Рождественские и пасхальные рассказы в женских журналах 1910-х годов

- Автор : **Симонова Ольга Алексеевна**
- Количество просмотров : **38**

Симонова Ольга Алексеевна

Рождественские и пасхальные рассказы в женских журналах 1910-х годов

Сведения об авторе

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

старший научный сотрудник

osimonova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается специфика рождественских и пасхальных рассказов, опубликованных в массовых женских журналах 1910-х гг. Выявлено, что наиболее востребованным в календарных произведениях оказывается циклический тип сюжета с его схемой недостатка – поиск – обретение. Сам праздник становится символом духовного перерождения героя, функциональную роль в сюжете приобретает религиозная символика. насыщение смысла праздников Рождества и Пасхи прежде всего любовными коннотациями определяет взаимозаменяемость мотивов пасхальных и рождественских рассказов.

Ключевые слова

Массовая литература, пасхальный рассказ, рождественский рассказ, женские журналы, циклический сюжет

Abstract

The specificity of the Christmas and Easter short stories published in mass women magazines in the 1910s is studied in the paper. It is shown that the cyclic type plots having the pattern "lack – search – finding" are the most frequently exploited. The feast becomes a symbol of the character's spiritual renewal, the religious symbols acquire a functional role. The providing sense of the two feasts with love connotations determines an interchangeability of the Christmas and Easter stories motifs.

Key words

Popular literature, Christmas story, Easter story, women magazines, cyclic plot

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709)

В конце XIX – начале XX в. в массовых периодических изданиях в канун Рождества и Пасхи традиционно публиковались рассказы «по случаю праздника». В большинстве своем рождественский и пасхальный рассказы были произведениями массовой литературы и создавались в рамках определенного жанрового канона¹, который интуитивно

осознавался современниками. Так, Н. Тэффи писала:

«Темы этих рассказов были специальные.

Для рождественского – замерзающий мальчик или ребенок бедняка на богатой елке.

Для пасхального рассказа полагалось возвращение блудного мужа к жене, одиноко тоскующей над куличом. Или возвращение блудной жены к брошенному мужу, обливающему одинокими слезами бабу.

Примирение и прощение происходило под звон пасхальных колоколов.

Таковы были строго выбранные и установленные темы.

Почему дело должно было происходить именно так – неизвестно. Муж с женой отлично могли бы помириться и в ночь под Рождество, а бедный мальчик вместо елки мог бы так же трогательно разговестись среди богатых детей.

Но обычай вкоренился так прочно, что и подумать об этом было нельзя. Возмущенные читатели стали бы писать негодующие письма, и тираж журнала пошатнулся бы непременно»².

Конечно, за каждым праздником были закреплены свои мотивы и образы, но скорее можно согласиться с Е.В. Душечкиной в том, что существовал и общий комплекс мотивов³ (или, вернее, мотивы, относящиеся преимущественно к одному из праздников, успешно переходили в тексты, приуроченные к другому). Так, под определение Тэффи не совсем подошли бы рассказы Л.Н. Андреева «Баргамот и Гараська», в котором представитель власти пожалел и обогрел на Пасху бедняка, и Н.А. Лухмановой «Чудо рождественской ночи», в котором в рождественскую ночь у постели больной дочери состоялось примирение супругов*. Хотя Е.В. Душечкина и Х. Баран пишут, что в этом «рассказе обыгрывается популярный “рождественский” мотив примирения на Рождество»⁴, более подходящим этот мотив был для праздника Пасхи с его символикой всепрощения.

Определенную тональность произведению задавал и образ печатного издания, для публикации в котором предназначался рассказ. Особое развитие жанры рождественского и пасхального рассказа получили в массовых женских журналах 1910-х гг. «Мир женщины», «Женщина и хозяйка», «Журнал для женщин», «Женщина», «Журнал для хозяек» и «Женская жизнь». Все эти женские журналы видели своей читательницей женщину городской среды, хозяйку, область интересов которой не распространяется, как правило, за пределы своей семьи. Исключением являлся журнал «Женская жизнь», ставивший своей задачей освещать общественную жизнь женщины и, таким образом, приближавшийся к изданиям феминистского типа. Но стоит отметить, что радикальные феминистские журналы зачастую игнорировали традицию печатания рассказов к праздникам. Так, например, пасхальные и рождественские номера журналов «Союз женщин» и «Женский вестник» в большинстве случаев не обозначались как таковые, а рассказы, помещенные в них, никак к этим праздникам не приурочивались. Так что традиция календарных текстов существовала в основном в массовых дамских журналах.

К формальным отличиям пасхальных и рождественских рассказов, опубликованных в женских журналах, от произведений, помещенных в «праздничных» номерах «общих» массовых журналов, можно отнести большее количество переводных произведений** и большую распространенность легенд и сказок. Второе объясняется снисходительным отношением издателей к читателям-женщинам, стремившихся сделать материал более простым, доступным и интересным, но в то же время ставивших перед собой дидактические задачи.

В календарных рассказах, напечатанных в женских изданиях, гораздо больше, чем в массовых журналах, предназначенных для читателей обоих полов, акцентирована матримониальная тема, все сложности взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Подчеркивается, что именно брак и семья представляют самую большую ценность для человека, и герой осознает это в главные семейные праздники. Такого рода рассказы имеют следующую структуру: 1) обычная жизнь героя (которая иногда остается за рамками повествования), 2) праздник, являющийся ключевым моментом, в этот день перед героем появляется какое-либо искушение, он ставится в ситуацию выбора, 3) принимаемое решение, с помощью которого обретается или восстанавливается «правильное» устройство мира, нарушенная гармония. Очевидно, что такое построение сюжета можно назвать циклическим с его схемой недостача – поиск – обретение. Циклический сюжет является одним из архетипов, укорененных в сознании человека. Одно из свойств такого сюжета можно определить как предсказуемость: в финале обязательно обретение. Так как массовой литературе присуща установка на удовлетворение читательского ожидания, то наиболее подходящим и оказывается циклический тип сюжета.

Герои рассказа «Ненаглядная» Н. Тимковского на Рождество ожидают приезда дочери, учащейся на курсах, финал знаменуется ее приездом⁵. В рассказе «Праздник» Л. Гумилевского описываются женские терзания, тоска, беспокойство о муже, находящемся на фронте; он возвращается домой как раз в канун Рождества⁶.

Однако не всегда персонаж обретает именно то, что ищет, иногда именно в неожиданном финале заключена интрига сюжета. Так, священник, герой рассказа «Матушка» С. Гусева-Оренбургского, хочет изменить судьбу своей семьи, получив богатый приход; для этого на святках он отправляется в город, но из-за метели теряет дорогу и возвращается домой⁷. В пути он осмысливает свое семейное счастье и чувство к жене. В праздник происходит обострение чувств, возрождение угаснувшей любви.

В пасхальном рассказе «Вальс» И. Матусевича герой на маскараде увлекается девушкой, напоминающей его жену, которую он давно разлюбил. Прекрасная незнакомка оказывается его женой, чувства героя к ней оживают. Показательно, что хотя рассказ помещен в пасхальный номер и в нем присутствует типичный пасхальный мотив возрождения прежней любви, действие происходит на маскараде, который является хронотопом святочных рассказов, что подчеркивает близость двух жанров. Очевидно и заимствование сюжета из знаменитой оперетты И. Штрауса «Летучая мышь», что свидетельствует о вторичности массовой литературы по отношению к признанным шедеврам.

Момент обретения гармонии, завершающий календарный рассказ, может проявляться как решение о заключении брака⁹, победа над соперницей, пытающейся разрушить семейное счастье¹⁰, появление надежды на счастье с любимым человеком¹¹. Таким образом, Рождество или Пасха воспринимаются как поворотный момент в жизни персонажей, что соотносится с глубинной символикой праздников, подразумевающей преобразование жизни на всех уровнях.

Цикличность сюжета может проявляться не так явно. Одним из вариантов финала становится духовное обретение, в чем символически выражается смысл Пасхи. Героиня рассказа «Праздник» Тимковского, старая учительница, на Пасху ожидает приезда сына, он забегает ненадолго и разочаровывает мать своей холодностью¹². Но в этот же день к ней приезжает ее ученик, который проводит со старушкой весь вечер и даже остается ночевать. Он становится ее духовным сыном. Реальной физической потери для героини не происходит, но возникает духовная потеря, возмещаемая духовным обретением. Другая учительница, героиня рассказа А. Галиной, на Пасху ощущает счастье исполненного долга, победу разума над невежеством, которая соотносится повествователем со смыслом праздника – победой жизни над смертью¹³.

В русской литературе получили распространение приуроченные к Рождеству рассказы, в которых чудо не совершается и подчеркивается несоответствие действительности идее праздника. Е. Душечкина называет характерные для таких рассказов мотивы «антирождественскими»¹⁴. Есть и пасхальные рассказы с трагическим окончанием, поэтому применительно к двум праздникам можно говорить об «антиевангельских» мотивах. Правда, не всегда легко отличить «правильный» праздничный рассказ от его «антиевангельского» варианта. Героиня рассказа «Луч» Тимковского не празднует Пасху, она ждет письма от бросившего ее любовника¹⁵. Соседская девочка Нина пишет ей от себя письмо, чем доставляет радость больной героине. С одной стороны, долгожданное письмо приходит, но, с другой стороны, оно оказывается не от любимого. Вообще, тема детства, общения с детьми и воспитания их очень важна для женских журналов, что проявляется и в календарных произведениях. Если в праздничных рассказах, опубликованных в массовых журналах, детство присутствует как идеализированное прошлое героев, то для женских календарных произведений характерно «воспроизведение „детского“, отчасти наивного и одновременно мудрого взгляда, позволяющего лучше понять мир и человека»¹⁶. С большим вниманием к детской теме связана и значимая для женской календарной прозы символика первого (когда особое значение приобретает то, что происходит с героем впервые). Описываются детские ожидания первой исповеди на Пасху¹⁷, первого христосования¹⁸. Осмысляются и переживания праздника взрослой героиней, вышедшей замуж и отмечающей Пасху в новых условиях¹⁹.

Соответственно смыслу самих праздников, функциональную роль в сюжете приобретает религиозная символика. Предметы церковного обихода и обрядовый инвентарь наделяются особым значением. Ключевыми элементами в рассказах являются молитвенник, икона, свеча. Поворотным моментом в развитии действия становятся молитва, исповедь. Первый звон колоколов на Пасху приобретает символическое значение: он или раздается в конце произведения, подтверждая принятое героями решение²⁰, или является кульминационным моментом в сюжете, открывает для персонажа новые, скрытые от него прежде смыслы окружающей действительности²¹. При этом изменения происходят как в событийной стороне жизни героев, так и в их внутренней, духовной жизни, что обычно не менее значимо для развития сюжета. Общение с Богом способствует внутреннему перерождению героя.

Применительно к целой группе календарных рассказов можно говорить не только о повторяемости мотивов, но и о шаблонности сюжета, что вообще свойственно массовой литературе. Типичным примером такого пасхального произведения служит упоминаемый Х. Бараном рассказ А. Грузинского «Христос Воскресе»²², в котором умирающая актриса рассказывает о своей тяжелой жизни и вспоминает, как в детстве любила Пасху. В сюжете можно выявить два ключевых момента. Первый – это протагонист – актриса, женщина, порвавшая со своей средой, выбравшая одиночество. Второй момент – это ввод в повествование праздника Рождества или Пасхи, который способствует восстановлению (хотя бы на день) утерянных связей с прежней жизнью. Как правило, героиня вспоминает о счастливых минутах, но попытки вернуть их, если таковые предпринимаются, ни к чему не приводят, реального обретения не наступает, и героиня лишь больше осознает свою оторванность.

На фоне войны эта сюжетная модель расширяется. Война становится поворотным моментом в жизни героини. Героиня (не обязательно актриса) раньше вела праздный образ жизни, а теперь хочет духовно «возродиться» (как вариант, становится сестрой милосердия). Праздник – время вспомнить о чем-то чистом и светлом, чего давно уже нет в жизни. Так происходит в пасхальном рассказе «Без заглавия» Ф. Ласковой, героине которого, бывшей актрисе, а теперь сестре милосердия, на Пасху «вспомнилось вдруг умершее далекое детство – ощущение веры, чистоты и тайны. А теперь уже нет веры и чистоты – остались страх и сомнения»²³. Схожая идея положена в основу новогоднего этюда «В лазарете» Гумилевского, героиня которого, сестра милосердия, работает в лазарете, в здании, где год назад провела свой первый бал²⁴. Беспечной веселости ее прежней жизни противопоставляются муки раненых,

причиняющие ей страдания. Вариантом такого типа сюжета является сюжет, в котором обращение героини в сестры милосердия происходит в праздничную ночь²⁵.

Тезис об общем комплексе мотивов и сюжетов, характерных для рождественских и пасхальных произведений, подтверждается примером двух следующих рассказов, написанных по случаю разных праздников. В пасхальном рассказе «Папаша» С. Гарина провинциальная актриса ожидает своего отца²⁶. Героиня вспоминает, как начиналась ее театральная деятельность: отец был против ее профессии, она сбежала из дому к любовнику-актеру, отец же проклял ее. Теперь, двадцать лет спустя, героиня ожидает встречи с горячо любимым отцом. Она жаждет возвращения прежних душевных отношений, но встреча разочаровывает ее.

В рассказе «Забывшие лепестки» И. Нерадова в канун Рождества у артистки Гариной свободный вечер, она размышляет о скуке и однообразии жизни, жалеет об отсутствии «своего» дома. Звон колокола заставляет ее вспомнить о том, как давно она не была в церкви. В душе ее возникает «горячая жажда молитвы, жажда умиротворения исковерканной, вечно мятущейся жизни»²⁷. Героиня разыскивает старый молитвенник, открывает его и видит засушенные цветы, которые многие поколения женщин хранили еще до нее. Здесь в рождественский рассказ проникает банальный штамп: засушенный цветок как память о былой любви. Героиня находит свой цветок, вспоминает о муже и дочери, которых бросила ради любовника и сцены, и отправляется к оставленной семье. Но прежней жизни больше нет, дочь ее умерла. Героиня понимает, что «все погребено», «забытые лепестки... не оживить...»²⁸, и возвращается в «свою» гостиницу.

Так типичный любовный сюжет, разворачиваясь в предпраздничный день, становится рождественским. Кульминация рассказа связана с праздничным действием (колокольным звоном), который вызывает у героини соответствующие воспоминания. Дважды повторяется мотив обретения. Сначала героиня вспоминает прошедшую жизнь, видит себя матерью. Ей кажется, что в этом она нашла «свое», но на самом деле «своей» оказывается ее теперешняя жизнь. Поэтому жестокая утрата семьи, потеря ребенка означает окончательное обретение себя нынешней, утверждение своей настоящей жизни. Рождественский сюжет со счастливым концом нарушается, финал рассказа делает его «антиевангельским». Обретение женщиной самостоятельности достигается утратой, трагедией в личной жизни. Такую цену, на которую согласится не каждая женщина, должна заплатить героиня за свой новый статус. Поэтому рассказы, согласно концепции дамского журнала, призваны подтвердить читательнице традиционные ценности семьи и материнства.

Рассмотренные выше рассказы можно отнести к «антиевангельским»: возрождения героини в них не происходит. Но в женских журналах были и типичные пасхальные произведения. Мотив воскресшей жизни, воскресшей любви является традиционным пасхальным мотивом. В рассказе «Воскресшее» С. Заречной героиня встречается на Пасху своего бывшего возлюбленного²⁹. Прежняя любовь воскресает, а христосование понимается как обручение героев навечно. Особенно благодатную почву для развития такой мотив получает в военное время. У героини рассказа Осипа Волжанина «Весенняя песнь» на войне убивают жениха, она впадает в нервную горячку, чуть не умирает³⁰. Потом выздоравливает и отправляется на юг, где знакомится с молодым человеком, с которым отмечает Пасху. Позже он делает ей предложение, и она соглашается. В женских журналах пасхальный рассказ часто имеет в основе любовную тематику, традиционное христосование получает эротическую окраску, означая больше, чем религиозный обряд.

В женских святочных рассказах чаще, чем в произведениях, помещенных в «общих» массовых журналах, встречается мотив гадания, попытки узнать судьбу. Обычно берется не просто какой-то эпизод гадания, но описывается его подтверждение в судьбе героини. Интересно, что иногда развернутый обряд гадания редуцируется до образа зеркала, который сохраняет лишь номинальную связь с гаданием, становясь средством подглядывания³¹.

Итак, можно сделать вывод о взаимозаменяемости пасхальных и рождественских мотивов. Образная система календарных рассказов и используемая в них символика подтверждает характерную для массовой литературы приверженность штампам. Писатели стремились ответить читательским представлениям о праздничной литературе, поэтому востребованным оказывается циклический тип сюжета с обретением в финале. Важна не просто приуроченность рассказа к Рождеству или Пасхе, но функциональная роль этого праздника в сюжете, сам праздник становится символом духовного перерождения героя. Главные герои праздничных текстов, опубликованных в дамских журналах, как правило, женщины, которые выступают в своих типичных общественных ролях: актриса, учительница, сестра милосердия, мать семейства. Наиболее акцентированы темы любви, семьи, детей, мотив гадания.

Примечания

* Рассказ впервые опубликован в 1894 году, републикован в сборнике: Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы / Сост., вступ. ст., примеч. Е. Душечкиной, Х. Барана. СПб.: Художественная литература, СПб. отд., 1993. С. 409–423).

** Однако нужно отметить, что зачастую переводные рассказы изначально пасхальными не являлись, а становились таковыми в структуре праздничного номера.

- ¹ См.: Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. Сб.: Авторизованный перевод с англ. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Универс», 1993. С. 284–328; Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995. 256 с.; Калениченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Волгоград: Перемена, 2000. 232 с.; Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе. М.; Ярославль: Литера, 2004. 360 с.
- ² Тэффи Н.А. Пасхальный рассказ // Тэффи Н.А. Все о любви. Париж: La presse française et étrangère, O. Zeluck, 1946. С. 185.
- ³ Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 199.
- ⁴ Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы / Сост., вступ. ст., примеч. Е. Душечкиной, Х. Барана. СПб.: Художественная литература, СПб. отд., 1993. С. 680.
- ⁵ Тимковский Н.И. Ненаглядная // Журнал для женщин. 1916. № 24. С. 2–4.
- ⁶ Гумилевский Лев. Праздник // Мир женщины. 1915. № 17. С. 3.
- ⁷ Гусев-Оренбургский С. Матушка // Журнал для хозяек. 1915. № 24. С. 26–28.
- ⁸ Матусевич Иосиф. Вальс // Журнал для хозяек. 1915. № 6. С. 32.
- ⁹ Каменский Анатолий. Недотрога // Мир женщины. 1916. № 7–8. С. 17–20; Л-ва А. Через год // Мир женщины. 1915. № 17. С. 3; Виссерче Берта. Любовь победила // Журнал для хозяек. 1912. № 21. С. 42–44.
- ¹⁰ Эк Екатерина <Курч Е.М.>. Второе зрение // Женская жизнь. 1916. № 7. С. 16–18.
- ¹¹ Владимирова Е. Ветка сирени // Журнал для хозяек. 1916. № 7. С. 26–27.
- ¹² Тимковский Н.И. Праздник // Журнал для женщин. 1916. № 7. С. 3–6.
- ¹³ Галина Аня. Серенькая учительница: Рассказ // Журнал для хозяек. 1914. № 7. С. 20–21.
- ¹⁴ Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 206.
- ¹⁵ Тимковский Н.И. Луч // Журнал для хозяек. 1916. № 7. С. 23–24.
- ¹⁶ Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе. М.; Ярославль: Литера, 2004. С. 230.
- ¹⁷ Эк Екатерина. Будем как дети // Мир женщины. 1916. № 7–8. С. 3; Гартинг Е. Первая исповедь (Детское: Наивные рассказы) // Мир женщины. 1916. № 7–8. С. 5; Тимковский Н.И. Луч // Журнал для хозяек. 1916. № 7. С. 23–24.
- ¹⁸ Готье Маргарита. Перед зеркалом // Журнал для женщин. 1914. № 5. С. 4–5.
- ¹⁹ Хохлов Евг. Первое воскресенье // Журнал для хозяек. 1915. № 6. С. 28–29.
- ²⁰ Клэр В. В пасхальную ночь // Журнал для женщин. 1916. № 7. С. 6–8; Ласковая Ф. Без заглавия // Мир женщины. 1915. № 4. С. 2–4.
- ²¹ З. Софья <Качановская С.А.>. Двойник: Пасхальный рассказ // Женская жизнь. 1916. № 7. С. 13–15; Заречная Софья <Качановская С.А.>. Воскресшее: Пасхальный рассказ // Мир женщины. 1916. № 7–8. С. 2–3; Нерадов И. Забытые лепестки // Женщина и хозяйка. 1916. № 17. С. 3–4.
- ²² Грузинский А. На Пасхе (Силуэты). I. Христос Воскресе! // Южный край. [Харьков]. 1899. № 6284, 18 апреля.
- ²³ Ласковая Ф. Без заглавия // Мир женщины. 1915. № 4. С. 2–4.
- ²⁴ Гумилевский Лев. В лазарете // Женщина. 1914. № 24. С. 7–9.
- ²⁵ В.В. Тетя Дина: Святочный рассказ // Журнал для хозяек. 1914. № 24. С. 30–31.
- ²⁶ Гарин Сергей. Папаша // Журнал для женщин. 1914. № 5. С. 3–4.
- ²⁷ Нерадов И. Забытые лепестки // Женщина и хозяйка. 1916. № 17. С. 3.
- ²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Заречная Софья <Качановская С.А.>. Воскресшее: Пасхальный рассказ // Мир женщины. 1916. № 7–8. С. 2–3.

³⁰ Волжанин Осип <Израэльсон О.А.>. Весенняя песнь // Журнал для женщин. 1915. № 6. С. 2–6.

³¹ Тешева Ю. Сор жизни // Журнал для женщин. 1916. № 24. С. 7–9.

[Возврат к списку](#)

© 2002 Битрикс, 2007 [1С-Битрикс](#)